МБ
Н72
Новгородцев
О праве на существование
С-Пет-Москва

Н 72

СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ подъ редакціею проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, прив.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича.

О ПРАВѢ НА СУЩЕСТВОВАНІЕ

СОЦІАЛЬНО-ФИЛОСОФСКІЕ ЭТЮДЫ

П. И. НОВГОРОДЦЕВА,
профессора московскаго университета
и
І. А. ПОКРОВСКАГО,
профессора с.-петербургскаго университета

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ и Москва

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный Дв., 18 и Невскій пр., 13.

МОСКВА
Кузнецкій Мостъ, 12 и Моховая, 22.

продается

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ,

издаваемая Спб. Родительскимъ кружкомъ

подъ общей редакціей П. Ѳ. Каптерева,

посвящена вопросамъ воспитанія и обученія дѣтей, преимущественно дошкольнаго возраста.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ законченную статью по извѣстному вопросу.

Первые 50 выпусковъ «ЭНЦИКЛОПЕДІИ» стоятъ всѣ вмѣстѣ 9 рублей.

Всѣ выпуски продаются и отдѣльно по цѣнамъ, обозначеннымъ ниже.

Съ 58-го вып.—общая редакція Н. С. Карцова.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена *для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ институтовъ и гимназій и для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ, а также* допущена *въ безплатныя народныя читальни.*

Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена *для фундаментальныхъ библіотекъ и библіотекъ педагогическихъ курсовъ и классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.*

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущена въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКОВЪ.

1. П. Ѳ. Каптеревъ. Задачи и основы семейнаго воспитанія. Ц. 30 к.
2. Алексѣй Н. Острогорскій. Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. Ц. 30 к.
3. И. О. Фесенко. Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. Ц. 25 к.
4. П. Ѳ. Каптеревъ. О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. Ц. 30 к.
5. И. О. Фесенко. Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи. Ц. 25 к.
6. П. Ѳ. Каптеревъ. О дѣтской подражательности. Ц. 30 к.
7. Его же. Основныя начала семейнаго обученія (Дидактика семьи). Ц. 30 к.
8. Н. С. Карцовъ. Капризы и раздражительность дѣтей. Ц. 30 к.
9. П. Я. Розенбахъ, прив.-доц. Наслѣдственность. Ц. 30 к.
10. К. В. Ельницкій. Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе. Ц. 30 к.
11. В. В. Поворинская. Дѣтскій садъ и огородъ. Ц. 25 к.
12. Н. Н. Переселенцева. Семейное воспитаніе въ Финляндіи. Ц. 30 к.
13. П. А. Литвинскій. Игрушки, ихъ назначеніе и выборъ. Ц. 30 к.
14. М. Д. Ванъ Путеренъ, д-ръ. Нормальная дѣтская. Ц. 20 к.
15. А. С. Виреніусъ, д-ръ. Искривленіе позвоночника. Ц. 30 к.

(*Продолженіе на 3 стр. обложки*).

ДЛЯ ОТЗЫВА

СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ подъ редакціею проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, прив.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича.

О ПРАВѢ НА СУЩЕСТВОВАНІЕ

МБ
Н-72

196. 3/32

О ПРАВѢ НА СУЩЕСТВОВАНІЕ

СОЦІАЛЬНО-ФИЛОСОФСКІЕ ЭТЮДЫ

П. И. НОВГОРОДЦЕВА,
профессора московскаго университета
и
І. А. ПОКРОВСКАГО,
профессора с.-петербургскаго университета

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
МОСКВА
Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.

печать типографіи
Т-ва М-О-ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас· остр· 16 линія соб· дом·

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

778607

Проф. П. И. Новгородцевъ

ПРАВО НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНІЕ.

Право на достойное человѣческое существованіе.

СРЕДИ тѣхъ правъ, которыя помѣщаются обыкновенно въ современныхъ декларацiяхъ, нѣтъ одного, которое по всѣмъ даннымъ должно бы было найти мѣсто въ символѣ вѣры современнаго правосознанія: это—право на достойное человѣческое существованіе. А между тѣмъ, если есть какая-либо яркая и отличительная черта того новаго воззрѣнія, которое все болѣе даетъ себя знать въ различныхъ общественныхъ заявленіяхъ, такъ это именно—признаніе за указаннымъ правомъ не нравственнаго только, но и юридическаго значенія. Въ этомъ случаѣ на нашихъ глазахъ совершается одинъ изъ тѣхъ обычныхъ переходовъ нравственнаго сознанія въ правовое, которыми отмѣчено прогрессивное развитіе права. И, быть можетъ, у насъ въ Россіи ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, этому новому виду права суждено получить ясное принципіальное признаніе.

Но что же такое «право на достойное человѣческое существованіе»? Не представляетъ ли оно

собою понятія, неуловимаго по содержанію и противорѣчиваго по смыслу, слишкомъ широкаго для того, чтобы вмѣститься въ рамки юридической регламентаціи, и слишкомъ субъективнаго для того, чтобы быть предметомъ общихъ опредѣленій? Конечно, понятіе о достойной человѣческой жизни открываетъ просторъ для безконечныхъ требованій и предположеній во всю мѣру безконечнаго человѣческаго идеала. Но когда говорятъ о правѣ на достойное человѣческое существованіе, то подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть не положительное содержаніе человѣческаго идеала, а только отрицаніе тѣхъ условій, которыя совершенно исключаютъ возможность достойной человѣческой жизни. Точно также говоримъ мы о правѣ свободной мысли и вѣрующей совѣсти, въ смыслѣ отрицанія внѣшнихъ стѣсненій для духа, хотя хорошо знаемъ, что положительное осуществленіе идеала внутренней свободы однимъ этимъ не можетъ быть достигнуто.

Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ очевидно о томъ, чтобы обезпечить для каждаго возможность человѣческаго существованія и освободить отъ гнета такихъ условій жизни, которыя убиваютъ человѣка физически и нравственно. И такъ какъ подобная забота относится прежде всего къ тѣмъ, кто не можетъ стать на твердую почву въ жизненной борьбѣ, кто нуждается въ помощи и поддержкѣ, то обезпеченіе права на достойное человѣческое существованіе ближайшимъ образомъ имѣетъ въ виду лицъ, страдаю-

щихъ отъ экономической зависимости, отъ недостатка средствъ, отъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ.

Но здѣсь возникаетъ новое сомнѣніе. Можетъ ли право взять на себя эту задачу, столь обширную и сложную? Мы знаемъ взглядъ старой юридической школы, которая учила, что поддержка нуждающихся не можетъ быть задачей права:

> «Этому требованію можетъ удовлетворить уже не право, а иное начало—любовь. Тутъ приходится уже не охранять свободу, а восполнять недостатокъ средствъ. Это дѣлается прежде всего частною благотворительностью; тамъ же, гдѣ послѣдняя оказывается недостаточною, на помощь приходитъ государство съ своею администраціею. Но въ обоихъ случаяхъ человѣколюбіе является не нарушеніемъ, а восполненіемъ права. Право одно для всѣхъ; человѣколюбіе же имѣетъ въ виду только извѣстную часть общества, нуждающуюся въ помощи. Если бы государство вздумало во имя этого начала измѣнять свое право, то-есть вмѣсто установленія одинаковой свободы для всѣхъ, обирать богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, какъ этого требуютъ соціалисты, то это было бы не только нарушеніемъ справедливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ извращеніемъ коренныхъ законовъ человѣческаго общежитія» [1]).

Этотъ взглядъ, столь авторитетный въ свое время, весь покоится на одной коренной ошибкѣ, раскрытой какъ нельзя ярче общественнымъ развитіемъ XIX вѣка: ставя цѣлью права охрану свободы и отдѣляя отъ

---

[1]) Чичеринъ, «Собственность и государство», ч. I, стр. 267.

этого потребность въ восполненіи средствъ, эта теорія забываетъ, что пользованіе свободой можетъ быть совершенно парализовано недостаткомъ средствъ. Задача и сущность права состоитъ дѣйствительно въ охранѣ личной свободы, но для осуществленія этой цѣли необходима и забота о матеріальныхъ условіяхъ свободы: безъ этого свобода нѣкоторыхъ можетъ остаться пустымъ звукомъ, недосягаемымъ благомъ, закрѣпленнымъ за ними юридически и отнятымъ фактически. Такимъ образомъ именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о матеріальныхъ условіяхъ ея осуществленія; во имя достоинства личности, оно должно взять на себя заботу объ огражденіи права на достойное человѣческое существованіе. Изъ глубины, изъ нѣдръ жизни къ намъ несутся стоны объ охранѣ этого права. Безхитростнымъ, исполненнымъ глубокаго трагизма языкомъ рабочій людъ жалуется на свое униженіе: «наша жизнь хуже рабочаго скота; на скотѣ работаютъ почти день и ночь, вотъ точно такова же и наша жизнь; просимъ, просимъ васъ, помогите намъ скинуть тяжелое бремя, которое лежитъ на насъ, которое закрываетъ намъ двери къ просвѣщенію нашего ума» [1]). А что сказать объ этой ужасной квалификаціи деревенскихъ мужиковъ, которыхъ городскіе рабочіе называютъ «бродячими собаками безъ номера» и которыхъ уровень жизни вы-

[1]) Изъ писемъ рабочихъ, приводимыхъ въ брошюрѣ проф. Озерова «Нужды рабочаго класса».

ражается пословицей: «наше дѣло телячье — поѣлъ да и въ хлѣвъ».

Юристу нашихъ дней тѣмъ менѣе возможно повторять старое понятіе объ охранѣ формальной свободы, что сама практика жизни идетъ въ разрѣзъ съ этой теоріей. Что такое фабричное законодательство, какъ не забота объ «извѣстной части общества, нуждающейся въ помощи», забота, восполняющая «недостатокъ средствъ» въ неравной борьбѣ труда съ капиталомъ? Не очевидно ли изъ одного этого примѣра, что право не ограничивается одной охраной свободы, а беретъ на себя также и регулированіе матеріальныхъ условій ея осуществленія. Несомнѣнно, что право уже вступило на этотъ путь: необходимо только формулировать и закрѣпить ту цѣль, которая открывается для права на этомъ пути, и намъ представляется, что лучшимъ выраженіемъ для этой цѣли является признаніе права на достойное человѣческое существованіе [1]).

Конечно, потребности человѣка разнообразны и субъективны, и опредѣлить точно, гдѣ начинается образъ жизни, достойный человѣка, нельзя. Однако,

---

[1]) Въ нашей литературѣ это обозначеніе впервые употреблено Влад. Соловьевымъ въ «Оправданіи добра». Объектъ этого права Соловьевъ опредѣлялъ въ видѣ требованія, «чтобы всякій человѣкъ имѣлъ не только обезпеченныя средства къ существованію (т.-е. одежду и жилище съ тепломъ и воздухомъ) и достаточный физическій о т д ы х ъ, но чтобы онъ могъ также пользоваться и д о с у г о м ъ для своего духовнаго совершенствованія». (Собр. сочин., т. 7, стр. 353—355).

изъ этого не слѣдуетъ, что праву здѣсь нечего дѣлать и нечего опредѣлять.

Прежде всего несомнѣнно, что въ каждомъ обществѣ, въ каждомъ положеніи есть свой уровень жизни, который считается нормой, и есть свой предѣлъ, за которымъ начинается недопустимая крайность. Можно спорить о восьми или девяти часовомъ рабочемъ днѣ, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часовъ работы есть безсовѣстная эксплуатація. Можно спорить о возможныхъ размѣрахъ жилища въ сторону отклоненія вверхъ отъ минимальной нормы; но безспорно, что темные и сырые подвалы противорѣчатъ всякимъ нормамъ допустимаго и возможнаго. Право и становится на этотъ путь, когда оно беретъ на себя опредѣленіе извѣстныхъ условныхъ нормъ. И въ этомъ случаѣ имѣетъ огромное значеніе уже одно признаніе принципа охраны личности въ каждомъ человѣкѣ. То, что особенно гнететъ и удручаетъ тружениковъ жизни, это—сознаніе своей беззащитности и безпомощности въ жизненной борьбѣ. Высказать въ самомъ законѣ принципъ поддержки всѣхъ слабыхъ и беззащитныхъ — это значитъ возвысить въ нихъ чувство собственнаго достоинства, укрѣпить сознаніе, что за нихъ стоитъ самъ законъ.

Но одного провозглашенія общаго принципа, конечно, недостаточно. Для того, чтобы этотъ принципъ не остался только нравственнымъ пожеланіемъ, необходимо, чтобы изъ него вытекали конкретныя юридическія слѣдствія.

Одно изъ этихъ слѣдствій мы уже упомянули:

это—законодательство о рабочихъ. Оно можетъ выражаться какъ въ общей охранѣ интересовъ трудящихся, при помощи объективнаго права, напримѣръ, путемъ регулированія санитарныхъ условій труда, такъ и въ признаніи за каждымъ трудящимся особыхъ субъективныхъ правъ, вытекающихъ изъ общаго понятія о правахъ человѣческой личности. Такой характеръ имѣетъ, напримѣръ, право на обезпеченіе на случаи болѣзни, неспособности къ труду и старости. Это право признано теперь во многихъ законодательствахъ, но несомнѣнно, что будущее должно осуществить въ этомъ направленіи цѣлый рядъ подобныхъ правъ. Въ особенности здѣсь имѣетъ коренное и принципіальное значеніе такъ называемое право на трудъ, которое еще со времени Великой французской революціи пытались въ той или иной формѣ ввести въ текстъ декларацій правъ. До насъ дошелъ цѣлый рядъ проектовъ этого рода; извѣстны опыты Томоро и Дюфура, Варле и наконецъ Робеспьера. Вліяніе послѣдняго отразилось лишь отчасти и очень слабо на декларацію 24 іюня 1793 г., въ которой мы находимъ слѣдующую статью (21): «Общественное призрѣніе есть священный долгъ. Общество обязано оказывать поддержку несчастнымъ гражданамъ или предоставляя имъ работу, или обезпечивая средства существованія тѣмъ, кто не въ состояніи работать». Однохарактерная статья содержится и въ декларацію 1848 г.: «Республика должна посредствомъ братской помощи обезпечить существованіе нуждающихся гражданъ, или доставляя

имъ работу по мѣрѣ своихъ средствъ, или оказывая при отсутствіи семьи помощь тѣмъ, кто не въ состояніи работать». Эти статьи имѣли значеніе скорѣе нравственнаго положенія, чѣмъ юридическаго принципа, но такъ или иначе онѣ намѣчали принципъ, подлежащій дальнѣйшему развитію. Тѣмъ не менѣе и до послѣдняго времени право на трудъ все еще считалось утопіей и даже извращеніемъ понятія о правѣ. Но какъ разъ въ наши дни эта утопія становится практическимъ лозунгомъ передовыхъ русскихъ партій. Что такое, какъ не признаніе права на трудъ, лежитъ въ основѣ тої реформы, которая требуетъ увеличенія площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ? Для огромной массы трудящагося населенія Россіи признается, такимъ образомъ, право на приложеніе своего труда, и, когда этотъ принципъ будетъ осуществленъ, это будетъ фактомъ огромнаго всемірно-историческаго значенія. Вся эта реформа въ программѣ конституціонно-демократическої партіи ставится на почву права и производится съ должнымъ уваженіемъ отчуждаемыхъ правъ землевладѣльцевъ-собственниковъ. Ревнители старой догмы, исходившіе изъ принципа священной и неприкосновенної собственности, нашли бы и въ этой постановкѣ вопроса извращеніе идеи права. Но правосознаніе нашего времени выше права собственности ставитъ право человѣческої личности и, во имя этого права, во имя человѣческаго достоинства, во имя свободы, устраняетъ идею неотчуждаемої собственности,

замѣняя ее принципомъ публично-правового регулированія пріобрѣтенныхъ правъ съ необходимымъ вознагражденіемъ ихъ обладателей въ случаѣ отчужденія.

Второе важное слѣдствіе изъ признанія права на достойное человѣческое существованіе есть широкое допущеніе профессіональныхъ союзовъ. Если главное бѣдствіе тѣхъ, кто изнемогаетъ въ жизненной борьбѣ, есть безпомощность, проистекающая отъ недостатка личныхъ силъ и средствъ, то однимъ изъ вѣрныхъ путей для выхода изъ этого состоянія безпомощности является союзъ лицъ, сближенныхъ общимъ положеніемъ и при помощи взаимной поддержки укрѣпляющихъ другъ въ другѣ чувство солидарности и сознаніе свободы. Оговорить и признать это право на образованіе профессіональныхъ союзовъ тѣмъ болѣе необходимо, чѣмъ болѣе оно подвергалось и подвергается сомнѣнію. Великая французская революція не осуществила этого права: законодательство революціонной эпохи относилось прямо отрицательно къ профессіональнымъ союзамъ, какъ и вообще ко всякимъ ассоціаціямъ; въ этомъ выражалась глубокая антипатія революціи къ уродливымъ формамъ средневѣковой корпоративной жизни, построеннымъ на узкомъ началѣ цеховой замкнутости и исключительности. Но и въ наше время право профессіональныхъ союзовъ на существованіе иногда представляется спорнымъ: здѣсь возникаетъ задача огромной сложности — примирить свободу профессіональныхъ союзовъ съ государственнымъ интересомъ. На почвѣ свободы союзовъ созда-

ются такія могущественныя организаціи, которыя при извѣстныхъ условіяхъ могутъ угрожать правильному теченію государственной жизни и приводить въ разстройство самыя основы общественнаго строя. Здѣсь необходимо найти извѣстную линію примиренія, и средствомъ къ этому является созданіе нейтральныхъ и посредствующихъ инстанцій, которыя, силою своего общественнаго авторитета, могли бы предотвращать возможные конфликты и способствовать удовлетворенію требованій, осуществимыхъ при данныхъ условіяхъ. Конечно, широкое допущеніе профессіональныхъ союзовъ вноситъ чрезвычайныя осложненія и въ государственныя, и въ общественныя отношенія; но это не можетъ служить аргументомъ противъ него.

Третье конкретное слѣдствіе, которое вытекаетъ изъ общаго принципа, есть обязательное общественное и государственное призрѣніе лицъ безпомощныхъ и неспособныхъ къ труду, проистекаетъ ли эта безпомощность отъ юнаго или старческаго возраста, болѣзни или же изъ другихъ источниковъ. Поскольку забота о бѣдныхъ изъ добровольной благотворительности превращается въ законную обязанность, она пріобрѣтаетъ юридическій характеръ и становится подъ санкцію права. Немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ страхованіе рабочихъ стало въ нѣкоторыхъ странахъ юридической обязанностью, и это былъ первый шагъ на пути къ дальнѣйшему вмѣшательству права въ эти отношенія. То, что казалось невѣроятнымъ и невозможнымъ, начинаетъ становиться дѣйствительностью,

и мы стоимъ несомнѣнно наканунѣ рѣшительнаго и коренного измѣненія нашихъ представленій о границахъ права и морали именно въ сферѣ затронутыхъ выше отношеній.

Я не имѣю здѣсь въ виду дать подробную юридическую конструкцію права на достоïйное человѣческое существованіе. Задача моя гораздо болѣе скромная: показать, что это право уже пріобрѣтаетъ ясныя юридическія очертанія. Само собою разумѣется, что настоящее и полное осуществленіе этого права было бы въ то же время разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса. Но это отнюдь не мѣшаетъ ввести разсмотрѣнное право въ декларацію правъ. Не казалось ли это возможнымъ уже сто лѣтъ назадъ, въ моментъ увлеченія идеей соціальной справедливости? И главнѣйшія права, уже теперь перечисляемыя въ декларацiяхъ, не представляются ли до сихъ поръ скорѣе огромными и великими задачами для развитія, чѣмъ окончательно осуществленными благами дѣйствительной жизни?

Проф. І. А. Покровскій.

ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНІЕ

Право на существованіе.

1.

ПРОФ. Новгородцевымъ былъ возбужденъ въ печати вопросъ о необходимости признанія и включенія въ современную декларацію правъ особаго права — «права на достоѣное человѣческое существованіе». Конкретнымъ юридическимъ выраженіемъ этого общаго принципа, по мнѣнію проф. П. И. Новгородцева, должно явиться, во-первыхъ, энергичное законодательство о рабочихъ, обезпеченіе ихъ на случай болѣзни, неспособности къ труду, старости, въ особенности же принципіальное признаніе такъ называемаго права на трудъ; во-вторыхъ, широкое допущеніе профессіональныхъ союзовъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, обязательное общественное и государственное призрѣніе лицъ безпомощныхъ и неспособныхъ къ труду, проистекаетъ ли эта безпомощность отъ юнаго или старческаго возраста, болѣзни или другихъ источниковъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Вопросъ о правѣ на существованіе, конечно, вопросъ не новый [1]). Для меня лично вопросъ, поставленный проф. Новгородцевымъ, имѣетъ особенное значеніе. Еще въ 1899 году, разрабатывая нѣкоторые вопросы современнаго гражданскаго права, мучительные для всякаго цивилиста (вопросъ объ отвѣтственности за вредъ, причиненный безъ вины; вопросъ о гражданско-правовой защитѣ экономически слабыхъ), я пришелъ къ твердому заключенію, что всѣ эти острые вопросы не могутъ быть правильно разрѣшены, пока не будетъ признано право на существованіе [2]). Вопросъ объ этомъ правѣ возбуждается, такимъ образомъ, не только такими общими теоретическими соображеніями, которыя приводятся проф. Новгородцевымъ, но и непосредственными практическими нуждами современнаго гражданскаго права. Приведенный въ движеніе мощнымъ голосомъ народной нужды, вопросъ этотъ просачивается во всѣ щели современнаго гражданскаго строя, просачивается даже тамъ, гдѣ его появленія и не ожидали. Въ виду этого, пересмотрѣть этотъ вопросъ, опредѣлить его подлинные размѣры и его подлинную цѣнность представляется совершенно необходимымъ.

---

[1]) Ср. А. Менгеръ. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. Русск., пер. Бужанскаго, «Право на полный продуктъ труда».

[2]) Ср. «Вѣстникъ Права» за 1899 г. статья «Возмѣщеніе вреда и разложеніе его» (кн. XI) и «Справедливость, усмотрѣніе судьи и судебная опека» (кн. XII).

II.

Для того, чтобы сразу войти въ самую сущность предстоящаго намъ вопроса поставимъ его передъ собой въ слѣдующей, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ «научной» формѣ.

Спросимъ себя, какое чувство испытываемъ мы, когда намъ приходится слышать или читать, что тогда-то и тамъ-то найденъ человѣкъ, умершій отъ голода, или что тогда-то и тамъ-то нѣкто покончилъ съ собой «вслѣдствіе неимѣнія средствъ къ существованію»?

Что каждый изъ насъ испытаетъ при этомъ чувство глубочайшей скорби, — въ этомъ я, конечно, нисколько не сомнѣваюсь. Но вдумаемся въ это чувство внимательнѣе: не найдемъ ли мы въ немъ нѣкотораго добавочнаго элемента, придающаго ему совершенно особый характеръ?

Смерть каждый день и по много разъ проходитъ передъ нашими глазами: люди умираютъ отъ причинъ естественныхъ (старость, болѣзнь), и отъ событій чрезвычайныхъ, стихійныхъ (землетрясеніе, ударъ молніи и т. д.). И въ этихъ случаяхъ мы испытываемъ чувство скорби или, по крайней мѣрѣ, тихой грусти: но къ этому чувству не примѣшивается здѣсь ничего остраго, обиднаго.

Совсѣмъ не то, если мы слышимъ о смерти человѣка отъ голода. Цѣлая вереница жгучихъ вопросовъ безпорядочно поднимается въ нашей душѣ. Какъ

могло это случиться? Неужели среди людей можно погибнуть отъ голода? Неужели не было никого, кто бы видѣлъ предстоящую гибель и кто бы могъ помочь? и т. д., и т. д. И острое чувство стыда и возмущенія охватитъ всю душу.

Вотъ это чувство стыда и возмущенія и составляетъ тотъ добавочный элементъ, который придаетъ нашему ощущенію здѣсь совершенно особый характеръ и который нуждается въ дальнѣйшемъ анализѣ.

Онъ показываетъ, прежде всего, что смерть отъ голода не представляется уже нашему сознанію событіемъ естественнымъ, событіемъ, подобно болѣзни или землетрясенію, зависящимъ отъ силъ и явленій, человѣческой волѣ не подчиненныхъ. Наше нравственное сознаніе утверждаетъ, что эту смерть можно было предотвратить.

Къ этому сознанію возможности присоединяется сознаніе долженствованія: ее должно было предотвратить. Гибель человѣка отъ голода среди сытаго общества представляется намъ не просто несчастіемъ, а грѣхомъ для этого общества, неисполненіемъ нѣкотораго долга, который лежалъ на немъ. Чувство стыда и возмущенія создается смутнымъ сознаніемъ виновности въ происшедшемъ.

Но—спрашиваетъ встревоженная совѣсть далѣе—кто же здѣсь виноватъ и въ чемъ заключался тотъ долгъ, который здѣсь не исполненъ?

Былъ ли это долгъ индивидуальный, тѣхъ или

другихъ изъ насъ? Но ни я, ни вы, ни онъ, а, можетъ быть, даже и никто въ отдѣльности объ отчаянномъ положеніи умершаго не зналъ, а потому никто изъ насъ и сдѣлать ничего не могъ.

Но если никто изъ насъ лично не виноватъ, то— виноваты всѣ мы вмѣстѣ: наше нравственное сознаніе протестуетъ противъ нашей общей индифферентности; оно ставитъ намъ въ вину отсутствіе среди насъ чего-то, что должно было бы гарантировать невозможность подобныхъ смертей. Или, говоря иначе, оно винитъ все общество въ неисполненіи нѣкотораго общественнаго, соціальнаго долга.

Это даетъ намъ возможность сдѣлать шагъ дальше. Каковъ внутренній характеръ этого долга? Есть ли это долгъ нравственный? Но общество, какъ таковое, какъ цѣлое, не можетъ имѣть нравственныхъ обязанностей, ибо носителемъ этихъ послѣднихъ можетъ быть только каждый отдѣльный человѣкъ. Если же мы сознаемъ, что въ нашемъ случаѣ не исполнено нѣчто, что лежало на всемъ обществѣ, какъ таковомъ, если мы какой-нибудь долгъ сознаемъ, какъ долгъ общественный, то, очевидно, дѣло идетъ о какомъ-то порокѣ въ самой организаціи общества, т.-е. о какомъ-то вопросѣ права. Чувствуется, что именно здѣсь, въ этой области, не все обстоитъ благополучно.

Перейдемъ же въ эту послѣднюю область и посмотримъ, какъ въ дѣйствительности реагируетъ въ подобныхъ случаяхъ право.

III.

При бѣгломъ знакомствѣ съ современнымъ юридическимъ положеніемъ нашего вопроса насъ, къ нашему собственному удивленію, можетъ охватить даже чувство удовлетворенія: все какъ-будто обстоитъ въ исправности и ни о какомъ порокѣ не можетъ быть рѣчи.

Современное государство не остается равнодушнымъ къ возможности голодной смерти для отдѣльныхъ его членовъ: въ области такъ называемаго административнаго или полицейскаго права извѣстенъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ своею цѣлью призрѣніе бѣдныхъ. Забота о бѣдныхъ, нищихъ и сирыхъ признается обязанностью государства, которую оно должно, конечно, неуклонно выполнять. «Призрѣніе бѣдныхъ,—говоритъ, напримѣръ, Леннингъ,—есть обязанность общества, организованнаго въ государство. Эта обязанность вытекаетъ изъ живущаго въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ и въ цѣломъ народѣ сознанія долга гуманности и человѣколюбія. Вслѣдствіе недостатка средствъ къ существованію никто не долженъ гибнуть. Вся совокупность народа объявляетъ себя обязанною спасать своихъ отдѣльныхъ членовъ отъ гибели» [1]). Всѣ отдѣльныя мѣропріятія государства

[1]) Löning Статья «Armenwesen» въ Handbuch der polit. Oekonomie Schönberg, a. Bd. III. (1898), стр. 444. — Ср. Aschrott въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, статья «Armenwesen», стр. 1.052.

въ этой области должны, такимъ образомъ, быть лишь практическимъ выполненіемъ этой государственной обязанности, стоящей въ принципѣ внѣ всякаго сомнѣнія.

Нужна ли при такихъ условіяхъ еще какая-либо особая декларація права на существованіе или включеніе его въ общую декларацію правъ? Не значитъ ли говорить объ этомъ—ломиться въ открытую дверь? Вѣдь, если государство признаетъ себя обязаннымъ спасать людей отъ голодной смерти,—то, значитъ, и каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ право требовать этого отъ государства, и, такимъ образомъ, искомое право на существованіе уже есть? Если есть какія-либо несовершенства въ этой области, то они должны зависѣть отъ качества тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ мѣръ, а не отъ самаго принципа, который, повидимому, признанъ и установленъ совершенно правильно?

На самомъ дѣлѣ все это не такъ. Что изъ обязанности государства «спасать людей отъ голодной смерти» вытекаетъ право каждаго погибающаго требовать этого спасенія,—это кажется намъ неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ, двумя корреспондирующими сторонами одного и того же юридическаго отношенія. Если есть одно, то, конечно, должно быть и другое. И, тѣмъ не менѣе, отъ тѣхъ же авторовъ, которые сообщили намъ объ обязанности государства, мы узнаемъ, что тутъ наша логика ввела бы насъ въ заблужденіе, что, хотя обязанность государства и признается, но соотвѣтствующее ей право

частнаго лица не только практически, но даже принципіально отвергается.

Тотъ же самый Ленингъ, излагая мѣры призрѣнія по отношенію къ безработнымъ, но трудоспособнымъ лицамъ, говоритъ: «Отдѣльное лицо не имѣетъ права на работу, но общественное призрѣніе обязано доставлять ему содержаніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена работа. Изъ этого послѣдняго уже вытекаетъ для государства обязанность доставлять возможность работы (und daraus ergiebt sich auch ihre Verpflichtung Arbeitsgelegenheit zu verschaffen)» [1]).

Говоря, далѣе, о томъ, что въ случаяхъ чрезвычайныхъ массовыхъ бѣдствій государству приходится въ этихъ видахъ организовать разнообразныя общественныя работы, и оцѣнивая эти послѣднія, Ленингъ однимъ изъ недостатковъ ихъ считаетъ то обстоятельство, что онѣ легко вызываютъ въ народѣ представленіе, будто каждый имѣетъ право требовать отъ государства подходящей работы (als habe der Einzelne einen Rechtsanspruch von dem Staate lohnende Arbeit zu erhalten) [2]).

Такимъ образомъ, съ одной стороны, государство признается обязаннымъ заботиться о доставленіи работы, съ другой стороны—права на работу отдѣльное лицо не имѣетъ! И не только не имѣетъ, но даже

---

[1]) L. cit., стр. 461.
[2]) Ibid., стр. 444.

самая возможность представленія о такомъ правѣ считается вещью нежелательной!

Правда, цитированныя слова Ленинга относятся непосредственно лишь къ праву на трудъ; но развѣ иначе стоитъ дѣло по отношенію къ праву на содержаніе вообще? Признаютъ ли современные юристы требованіе о выдачѣ содержанія со стороны безработнаго къ государству за требованіе юридическое, за Rechtsanspruch? Конечно — нѣтъ.

Такимъ образомъ, вся область общественнаго призрѣнія представляетъ собою — съ юридической точки зрѣнія—совершенно особенную юридическую фигуру. Обязанность государства «спасать отъ голодной смерти» признается; но права «быть спасеннымъ отъ голодной смерти» отдѣльное лицо не имѣетъ.

Чѣмъ же объясняется эта фигура? Въ чемъ лежитъ источникъ этой разорванности, права и обязанности, этой однобокости отношенія?

Разгадку мы найдемъ у тѣхъ же авторовъ. «Общественная поддержка,—говоритъ Ашроттъ,—вытекаетъ изъ соображеній общественнаго блага, изъ государственнаго интереса, а не изъ интереса къ данному индивиду (aus staatlichem Interesse, nicht aus Interesse für das betreffende Individuum)» [1]).

Дѣло объясняется, слѣдовательно, просто. Многія

[1]) L. cit., стр. 1.055.

соображенія заставляютъ государство взять на себя обязанность «спасать людей отъ голодной смерти»— опасеніе развитія преступленій, болѣзней, умноженія народнаго недовольства, наконецъ, просто непріятность сознанія, что человѣкъ умеръ съ голода, но среди всѣхъ этихъ соображеній нѣтъ мѣста одному—мысли о самомъ погибающемъ человѣкѣ, о его жизни, о его личности! Сходи онъ въ могилу, не угрожая такъ или иначе «общественному благу» и «государственному интересу»,—и государство не подумало бы о немъ вовсе!

Мой юридическій взоръ ищетъ аналогій такому порядку вещей и скоро находитъ ихъ... въ юридической защитѣ животныхъ! И мученія животныхъ запрещаются, но запрещаются «изъ соображеній общественнаго блага, изъ государственнаго интереса, а не изъ интереса къ данному»... животному. И здѣсь государство признаетъ себя обязаннымъ принимать извѣстныя мѣры, но точно также и здѣсь нельзя говорить о правѣ животнаго...

Такою принципіальною постановкой объясняется въ области государственнаго призрѣнія все. Не принципъ права царитъ въ ней, а принципъ милости и милостыни. Призрѣніе бѣдныхъ разсматривается не какъ исполненіе лежащаго на государствѣ долга, а какъ государственная благотворительность. Начало же благотворительности сказывается въ томъ, что расходъ, необходимый на общественное призрѣніе, по существу, опредѣляется не раз-

мѣромъ дѣйствительной нужды, а состояніемъ финансовъ. Подобно тому, какъ частное лицо удѣляетъ на дѣла благотворительности лишь столько, сколько можетъ, такъ-же точно и государство суживаетъ и расширяетъ свои «пособія» не столько въ зависимости отъ размѣровъ нужды, сколько въ зависимости отъ своихъ бюджетныхъ излишковъ.

Правда, въ теоріи мы какъ будто найдемъ иное. Мюнстербергъ одно изъ основныхъ отличій государственнаго призрѣнія отъ частной благотворительности усматриваетъ именно въ томъ, что послѣдняя тратитъ лишь столько, сколько можетъ, межъ тѣмъ какъ государство должно расходовать столько, сколько нужно, т.-е. столько, сколько требуетъ «существующая въ предѣлахъ его дѣятельности потребность» [1]).

Можетъ быть, это вѣрно, какъ пожеланіе, но оно несомнѣнно невѣрно, какъ правовое, юридическое начало. Въ такой же ли самой мѣрѣ государство считаетъ себя обязаннымъ выдавать содержаніе голодающимъ, въ какой оно считаетъ себя обязаннымъ, напримѣръ, уплачивать жалованье чиновникамъ или проценты по государственнымъ долгамъ?

Неурожаи и голодъ у насъ, напримѣръ, явленіе

---

[1]) Handwörterbuch der Staatswissenschaften, статья «Armenlast und Armensteuern», стр. 1.026.

хроническое. Но считала ли себя наша казна хоть когда-нибудь обязанной удовлетворить нужду голодающихъ полностью, такъ, какъ она платитъ жалованье или проценты? Неплатежъ процентовъ или сокращеніе жалованья обозначало бы финансовый крахъ, банкротство, межъ тѣмъ какъ сокращеніе или даже полное прекращеніе голодныхъ «пособій» и «ссудъ» является только «необходимой финансовой экономіей»... Проценты по займамъ будутъ выплачены во что бы то ни стало, хотя бы для этого понадобились новые и очень обременительные займы; но я не знаю, заключались ли когда-нибудь займы на нужды общественнаго призрѣнія.

Если бы государство дѣйствительно считало себя обязаннымъ, какъ увѣряетъ Мюнстербергъ, расходовать въ размѣрахъ настоящей потребности, то мы въ моменты экономическихъ кризисовъ (неурожаевъ, безработицы) не нуждались бы въ призывахъ къ общественной благотворительности, что въ дѣйствительности всегда имѣетъ мѣсто. Жизнь многихъ тысячъ людей не была бы подвергаема всѣмъ случайностямъ частной добродѣтели, а была бы охранена планомѣрной государственной дѣятельностью.

Юридическій анализъ приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ выводу, что громкая фраза «вся совокупность народа объявляетъ себя обязанной спасать своихъ отдѣльныхъ членовъ отъ гибели» есть только громкая фраза и ничего болѣе. Если неполученіе жалованья чиновникомъ или неполученіе процентовъ по

государственнымъ бумагамъ вещь юридически невозможная, то голодная смерть отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ массъ въ современномъ правовомъ строѣ не только фактически, но и юридически вполнѣ мыслима.

Вотъ въ этомъ то противорѣчіи между юридической возможностью въ современномъ обществѣ подлинной голодной смерти и отмѣченнымъ выше нашимъ нравственнымъ сознаніемъ заключается источникъ того недоумѣнія и того чувства виновности, которое мы испытываемъ при каждомъ случаѣ подобнаго рода. Наше нравственное сознаніе заявляетъ, что голодной смерти абсолютно не должно быть, а то, что должно являться выразителемъ нашего общаго сознанія—государство—такую голодную смерть даже въ принципѣ допускаетъ.

IV.

Быть можетъ, однако, то нравственное сознаніе, отъ котораго мы отправились при обсужденіи нашего вопроса, само представляетъ ошибку, что-либо болѣзненное, свидѣтельствующее не столько о непормальности общественнаго строя, сколько о непормальной возбудимости нашего чувства? Быть можетъ, наше требованіе, чтобы люди не умирали отъ голода, не болѣе резонно, чѣмъ требованіе какого-либо нервно разстроеннаго человѣка, чтобы люди не умирали отъ болѣзней?

Другими словами, имѣетъ ли указанное требо-

ваніе какое-либо реальное основаніе, какіе-либо реальные корни въ самыхъ условіяхъ нашего общежитія, въ самомъ строѣ нашихъ общественныхъ отношеній?

На первый взглядъ отвѣтъ какъ будто получается отрицательный.

Современное общество въ области экономическихъ отношеній покоится, какъ извѣстно, на принципѣ частной собственности и частной хозяйственной автономіи. Теоретически это значитъ, что всѣ необходимыя народохозяйственныя операціи производства и распредѣленія не регулируются изъ одного верховнаго въ государствѣ центра (какъ во всѣхъ остальныхъ областяхъ юридической жизни, областяхъ такъ называемаго публичнаго права—военнаго, финансоваго, уголовнаго и т. д.), а предоставляются самодѣятельности множества отдѣльныхъ маленькихъ центровъ (частныхъ лицъ, компаній и т. д.). Или—говоря иначе—вся эта обширная сфера общественной жизни построена не по принципу правовой централизаціи (принципъ публичнаго права), а по принципу децентрализаціи.

Принципъ децентрализаціи и частной автономіи практически приводитъ къ тому, что каждый отдѣльный человѣкъ, поскольку дѣло касается его хозяйственныхъ отношеній, живетъ по своей волѣ, но и на свой рискъ. Счастливыя совпаденія и чрезвычайныя удачи (о наслѣдственныхъ преимуществахъ и личныхъ способностяхъ я не говорю) могутъ вне-

сти его на самую вершину земного благополучія; но зато и наоборотъ — несчастье и неудача могутъ выбросить его за бортъ жизни, довести его до голодной смерти. Одно и другое кажется лишь двумя сторонами медали, чѣмъ-то логически и необходимо другъ съ другомъ связаннымъ. Если мы говоримъ человѣку— «живи на свой рискъ», то, повидимому, послѣдовательность требуетъ отъ насъ сказать и другое—«умирай на свой рискъ». Возможность неудачъ кажется лишь необходимой компенсаціей за возможность удачъ. Casum sentit dominus,—говорили римскіе юристы, а въ экономической области вѣдь каждый самъ себѣ господинъ. Casus a nullo praestatur, добавляли они: за постигшія кого-нибудь неудачи никто не отвѣтственъ.

Не является ли, при такихъ условіяхъ, то отношеніе государства къ нашему вопросу, которое было указано выше, единственно правильнымъ и единственно совмѣстимымъ съ общимъ строемъ нашихъ экономическихъ отношеній? Не въ правѣ ли современное государство, привлеченное къ отвѣту по дѣлу о голодной смерти, заявить своимъ обвинителямъ: постановка призрѣнія бѣдныхъ не можетъ быть иною, пока общій строй экономическихъ отношеній остается неизмѣннымъ! Не въ правѣ ли оно возвратить упрекъ самому обществу: пока вы хотите такого строя, до тѣхъ поръ вамъ нечего толковать о какомъ-либо правѣ на существованіе?

Такъ ли это однако?

Не беря на себя нисколько защиты нынѣшняго экономическаго строя, я полагаю, тѣмъ не менѣе, что современное отношеніе къ нашему вопросу не только не вытекаетъ изъ общаго характера этого строя, но, напротивъ, оно ему противорѣчитъ. Дѣло въ томъ, что при этомъ забываютъ одну истину, которая вообще, при другихъ разсужденіяхъ, считается азбучной.

Полное безразличіе къ судьбѣ ближняго, полная безотвѣтственность за его голодную смерть имѣли бы, пожалуй, оправданіе въ обществѣ съ совершенно изолированными индивидуальными хозяйствами, т.-е. въ обществѣ, которое въ сущности было бы не обществомъ, а простою внѣшне-объединенною суммой индивидовъ. Я готовъ допустить, что, напримѣръ, въ обществѣ какихъ-нибудь обитателей Огненной Земли, вся хозяйственная жизнь которыхъ сводится къ одиночному собиранію на морскомъ берегу ракушекъ и выкапыванію дикихъ кореньевъ, что тамъ голодная смерть одного можетъ не вызывать въ другихъ чувства виновности: никто изъ товарищей погибшаго за всю свою жизнь не пользовался ни одной крупицей выгоды отъ жизни и труда этого послѣдняго.

Но для такого отношенія не можетъ быть никакого основанія въ обществѣ болѣе сцѣпленномъ, въ обществѣ, гдѣ жизнь одного возможна только вслѣдствіе безпрерывнаго функціонированія духовной и хозяйственной жизни другихъ и гдѣ эта связь продолжалась,

переплеталась и накоплялась исторически изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе многихъ вѣковъ. Самыя условія общественной жизни, вся многогранная культура, составляющая атмосферу, въ которой живетъ и которой дышитъ каждый отдѣльный членъ современнаго общества, является продуктомъ солидарной работы всѣхъ. Выдѣлить долю работы, произведенную и производимую каждымъ для созданія и поддержанія этой необходимой всѣмъ атмосферы совершенно невозможно; тѣмъ болѣе невозможно ее оплатить. Еще могутъ быть оплачены тѣ или другія отдѣльныя, явно опредѣлимыя услуги, но совершенно не можетъ быть оплачена та незримая услуга, которая оказывается каждымъ для поддержанія «цѣлаго» общественной жизни, для ея развитія.

Эта услуга должна быть оплачена всѣмъ обществомъ, а потому каждый имѣетъ право требовать отъ этого послѣдняго поддержки въ критическую минуту. Это не апелляція къ милости и благости общества, а подлинное право каждаго, подобное праву на пенсію для себя и своихъ дѣтей. Духовная и хозяйственная сцѣпленность отдѣльныхъ существованій, составляющая основную черту всякаго сколько-нибудь развитого общества, приводитъ, такимъ образомъ, съ неизбѣжной послѣдовательностью къ круговой порукѣ всѣхъ другъ за друга, или, что то же, къ праву каждаго на существованіе.

V.

Въ чемъ же можетъ состоять содержаніе этого права? Проф. Новгородцевъ говоритъ о правѣ «на достойное человѣческое» существованіе. Мы же говоримъ просто «право на существованіе», не потому, конечно, чтобы мы не хотѣли признать за человѣкомъ права существовать достойно, не потому, чтобы мы удовлетворились и недостойнымъ существованіемъ,—а потому, что понятіе «достойнаго человѣческаго существованія» чрезвычайно неопредѣленно и растяжимо. Самому проф. Новгородцеву не удалось придать ему физіономію сколько-нибудь опредѣленную. То онъ разумѣетъ подъ нимъ «не положительное содержаніе человѣческаго идеала, а только отрицаніе тѣхъ условій, которыя совершенно исключаютъ возможность достойной человѣческой жизни»; то онъ говоритъ объ «опредѣленіи извѣстныхъ условныхъ нормъ», въ смыслѣ обезпеченія такъ называемыхъ необходимыхъ потребностей; то, наконецъ, безъ оговорокъ цитируетъ опредѣленіе Вл. Соловьева, гдѣ говорится уже и объ отдыхѣ, и о досугѣ для духовнаго совершенствованія.

Что возможно лучшее существованіе человѣка составляетъ цѣль всякаго соціальнаго стремленія и что исторія идетъ неуклонно къ этой цѣли, это, конечно, стоитъ внѣ сомнѣнія. Но когда находишься во времени и пространствѣ и когда имѣешь въ виду какую-нибудь непосредственную практическую задачу, которую дол-

женъ разрѣшить настоящій моментъ, тогда по необходимости нужно формулировать эту задачу вполнѣ опредѣленно и конкретно.

То право на существованіе, которое уже теперь должно признать за каждымъ государство, мы понимаемъ такъ, какъ оно обыкновенно понимается, въ смыслѣ обезпеченія такъ называемыхъ необходимыхъ условій существованія. «Среди всѣхъ потребностей,—говоритъ А. Менгеръ,—особенно важны по своему практическому значенію тѣ, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ поддержаніе существованія каждаго отдѣльнаго лица и которыя поэтому можно назвать потребностями существованія (Existenzbedingungen). Эти потребности отличаются болѣе общимъ объективнымъ характеромъ и до извѣстной степени могутъ служить мѣриломъ при распредѣленіи, хотя нельзя не замѣтить, что размѣръ и этихъ потребностей будетъ различаться въ зависимости отъ мѣста и времени. Онѣ являются основой права на существованіе, которое играетъ такую большую роль въ соціалистическихъ системахъ всѣхъ временъ» [1]).

Мы не смотримъ на право на существованіе, какъ на конечный идеалъ, какъ на вѣнецъ всѣхъ многотрудныхъ страданій человѣчества; мы видимъ въ немъ только minimum того, что государство въ настоящій моментъ должно обезпечить человѣку.

---

[1]) Право на полный продуктъ труда. Стр. 8.

Какъ ни измѣняется представленіе о необходимыхъ условіяхъ существованія «въ зависимости отъ мѣста и времени», тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что въ каждомъ данномъ мѣстѣ и въ каждое данное время безъ особеннаго труда можетъ быть установленъ о б щ е п р и з н а н н ы й у р о в е н ь этихъ условій. Гарантію этого-то общепризнаннаго уровня и должно взять на себя государство.

Цифровое выраженіе этого уровня, помноженное на все количество лицъ, не могущихъ себя содержать, дастъ ту сумму обязательнаго государственнаго расхода, которая необходима на этотъ предметъ. Расходъ этотъ долженъ разсматриваться именно какъ обязательный— въ такой же мѣрѣ, какъ расходъ на содержаніе арміи, государственныхъ чиновниковъ или какъ платежъ процентовъ по государственнымъ долгамъ. Въ трудныя минуты массовыхъ бѣдствій (неурожаевъ и пр.), когда обычныхъ средствъ казны для удовлетворенія этого расхода можетъ оказаться недостаточно, онъ долженъ быть все-таки покрытъ чрезвычайными мѣрами—новыми займами или повышеніемъ налоговъ.

Для исполненія этой общей обязанности государства, для покрытія вызываемыхъ ею расходовъ есть только одинъ принципіально правильный способъ. Мы сказали только что, что право на существованіе вытекаетъ изъ той взаимной связанности и взаимной обусловленности отдѣльныхъ существованій, которая составляетъ непремѣнную черту всякаго культурнаго общежитія. Отсюда естественно вытекаетъ слѣ-

дующій выводъ: всѣ члены этого общежитія должны участвовать въ несеніи этого расхода пропорціонально высотѣ тѣхъ выгодъ, которыя каждый отъ общежитія имѣетъ. Если отдѣльныя состоянія существуютъ лишь благодаря общежитію, и если одни изъ членовъ этого общежитія пользуются большими благами, чѣмъ другіе, то естественно, что они обязаны и отдавать этому общежитію больше, чѣмъ другіе. Говоря иначе, единственно правильнымъ принципомъ разложенія этого расхода будетъ и здѣсь пропорціональный (правильно пропорціональный, т.-е. прогрессивный) налогъ.

Я не беру на себя смѣлости рисовать планъ дальнѣйшаго практическаго осуществленія этого дѣла, набрасывать проектъ его организаціи: для этого нужны люди болѣе компетентные, чѣмъ я. Но нѣкоторые вопросы требуютъ уже здѣсь извѣстнаго отвѣта.

Прежде всего: на кого будетъ простираться право на существованіе, кто будетъ его имѣть?

Конечно, всѣ тѣ, которые сами себя содержать не могутъ. Сюда, безъ всякаго сомнѣнія, относятся, прежде всего, лица нетрудоспособныя, отъ какихъ бы причинъ эта неспособность къ труду ни происходила, т.-е. дѣти, инвалиды труда—старики, больные и т. д. Всѣ эти лица уже теперь являются объектами общественнаго—государственнаго или коммунальнаго—призрѣнія.

Значительно сложнѣе представляется вопросъ по отношенію къ лицамъ трудоспособнымъ, но впавшимъ въ критическое положеніе вслѣдствіе неурожая, отсутствія работы и тому подобныхъ, въ нормальномъ обществѣ временныхъ, причинъ.

Что и эти лица не могутъ быть отданы на жертву голодной смерти,—это, я думаю, не можетъ подлежать сомнѣнію. Помимо всякихъ соображеній гуманности, поддержаніе и сохраненіе трудоспособнаго элемента диктуется уже просто соображеніями народной экономіи: гибель этихъ лицъ была бы умаленіемъ производительныхъ силъ страны.

Сложность вопроса по отношенію къ этой категоріи заключается въ слѣдующемъ. Если будетъ признано право на существованіе, то, спрашивается, не явится-ли оно поощреніемъ къ лѣности, не вызоветъ ли оно необычайнаго возрастанія контингента, лежащаго на плечахъ государства, и не поведетъ ли оно въ концѣ-концовъ къ духовной деморализаціи и къ экономическому разоренію народа? Не повторится ли у насъ исторія Рима наканунѣ имперіи, не превратится ли нашъ рабочій народъ въ ту римскую чернь, которая только требовала хлѣба и зрѣлищъ и за большую дозу этихъ послѣднихъ готова была продать и свободу, и человѣческое достоинство?

Опасенія эти, однако, при болѣе внимательномъ отношеніи оказываются совершенно неосновательными.

Вѣдь государство беретъ на себя обязанность под-

держивать лишь на случаї отсутствія работы, на случаї невозможности ее достать. Ввиду этого, обязанность государства по отношенію къ трудоспособнымъ естественно принимаетъ такоі видъ: или содержи, или даї работу. Когда государство окажется въ состояніи предложить призрѣваемому соотвѣтствующую работу, его обязанность содержать ее ipso прекращается.

Эта возможность для государства освободить себя отъ обязанности содержанія предложеніемъ работы явится наилучшеї и вполнѣ достаточной гарантіеї противъ указанныхъ выше бѣдствій. И не столько въ силу лежащеї въ отказѣ отъ выдачи содержанія репрессіи, сколько въ силу естественныхъ преимуществъ независимаго трудового существованія. Какъ бы ни былъ высоко опредѣленъ уровень казеннаго содержанія, онъ все же будетъ ниже того, что получитъ свободныі рабочіі. Стимулъ улучшить свое существованіе сохранитъ, такимъ образомъ, свое значеніе и свою силу. Праздность не есть нормальное состояніе человѣка, не есть такое благо, за которое нормальныі человѣкъ захотѣлъ бы заплатить ухудшеніемъ своего положенія. И если древніі Римъ являетъ намъ картины столь печальныя, то лишь потому, что для свободнаго труда въ рабскомъ обществѣ не было приложенія: иначе, конечно, и римская чернь охотно промѣняла бы свое праздное, но зависимое существованіе на болѣе обезпеченную трудовую жизнь.

Конечно, ввиду такоі альтернативноі обязанности

государства—или содержать или предложить работу,—ему придется широко развить свою дѣятельность въ двоякомъ направленіи—въ направленіи посредничества по отысканію мѣстъ и въ направленіи организаціи новыхъ работъ. Но съ той точки зрѣнія, которая была изложена раньше, возложеніе такой обязанности на государство, т.-е. юридическое выраженіе самого общества, будетъ только справедливымъ.

Сказанное даетъ намъ возможность внести слѣдующую существенную поправку въ ученіе проф. Новгородцева. По мнѣнію этого послѣдняго, въ составъ права на существованіе входитъ и право на трудъ. На самомъ дѣлѣ, если мы не станемъ придавать праву на существованіе расплывчатаго и неопредѣленнаго характера, если мы фиксируемъ его точныя юридическія границы, то тотчасъ обнаружится, что право на трудъ является не выраженіемъ права на существованіе, а совершенно особымъ, самостоятельнымъ правомъ. Такъ дѣйствительно и понимаютъ оба эти права въ литературѣ. А. Менгеръ, напримѣръ, относительно права на существованіе говоритъ: «Это право можно опредѣлить такимъ образомъ, что каждый членъ общества имѣетъ право на вещи и услуги, необходимыя для поддержанія его существованія, раньше, чѣмъ удовлетворены менѣе важныя потребности другихъ». «Благодаря же праву на трудъ, говоритъ тотъ же авторъ, каждый работоспособный членъ общества, который не находитъ себѣ работы у частнаго предпринимателя, можетъ требовать отъ государства или

публично-правового союза, чтобы ему была назначена обыкновенная поденная работа за установленную плату» [1]).

Послѣ всего вышеизложеннаго ясно какъ юридическое, такъ и экономическое отличіе права на существованіе отъ права на трудъ. Юридически первое заключаетъ въ себѣ только право требовать отъ государства обезпеченія необходимыхъ условій существованія, пока не будетъ найдена или предложена работа; дать работу—это право государства, которымъ оно можетъ воспользоваться для освобожденія отъ выдачи содержанія, но не его обязанность. Право же на трудъ предполагаетъ именно такую обязанность государства; неисполненіе ея влечетъ за собою обычныя юридическія послѣдствія—возмѣщеніе интереса, каковымъ является въ данномъ случаѣ обыкновенная заработная плата. Экономически право на трудъ даетъ трудоспособному населенію, конечно, больше выгоды, чѣмъ право на существованіе (поскольку вообще обычная заработная плата будетъ выше установленнаго государствомъ уровня необходимыхъ условій существованія), но зато оно ставитъ предъ современнымъ государствомъ и болѣе трудныя экономическія задачи. Разрѣшимы ли онѣ для него или нѣтъ, я судить не берусь. По увѣренію г. Луначарскаго, «Карлъ Марксъ доказалъ, что это право на трудъ найдетъ свое реальное осуществленіе лишь

[1]) Право на полный продуктъ труда, стр. 8 и 13.

послѣ обобществленія орудій производства» [1]), а по мнѣнію А. Менгера, «право на трудъ является очень подходящимъ для переходной формы—именно потому, что примыкаетъ къ нашему гражданскому строю» [2]). Ввиду этого, и теоретически, и практически болѣе цѣлесообразнымъ представляется отдѣлить вопросъ о правѣ на трудъ отъ вопроса о правѣ на существованіе и, не предрѣшая перваго, сосредоточить свое вниманіе исключительно на послѣднемъ.

Подобно праву на трудъ, не входятъ въ юридическое понятіе права на существованіе и прочія мѣры, упоминаемыя проф. Новгородцевымъ: законодательство о рабочихъ, поощреніе профессіональныхъ союзовъ и рабочее страхованіе. Всѣ эти мѣры, конечно, безусловно необходимы, но онѣ стоятъ внѣ вопроса о правѣ на существованіе: всѣ онѣ имѣютъ въ виду населеніе, имѣющее работу, межъ тѣмъ какъ право на существованіе, въ его точномъ юридическомъ смыслѣ, касается лицъ неработающихъ (по неспособности или невозможности, безразлично). Въ частности, страхованіе рабочихъ сохранитъ и по признаніи права на существованіе свое значеніе: рабочему оно обезпечитъ, на случай потери трудоспособности, лучшій уровень жизни, и необходимые на это повышеніе расходы лягутъ именно на тѣ элементы, которые непосредственно связаны съ операціями производства и ихъ выгодами. Конечно, и

[1]) «Образованіе» 1906 г., кн. III, стр. 98.
[2]) L. cit., стр. 136.

въ правѣ на существованіе лежитъ элементъ страхованія [1]), но мы будемъ имѣть здѣсь уже обязательное взаимное страхованіе всего общества и притомъ страхованіе не столько въ формальномъ, юридическомъ смыслѣ, сколько въ смыслѣ матеріальномъ, экономическомъ.

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ проф. Новгородцева, мы понимаемъ право на существованіе въ бо-бѣе узкомъ, но зато и болѣе точномъ, юридическомъ смыслѣ. При такомъ пониманіи вопросъ объ этомъ правѣ не расплывается въ цѣлую систему «общихъ и принципіальныхъ задачъ», на которыя такъ легко отвѣтить такими же, хотя и принципіальными, но все же «общими мѣстами» и ни къ чему не обязывающими деклараціями; при такомъ пониманіи, напротивъ, вопросъ пріобрѣтаетъ характеръ конкретнаго практическаго мѣропріятія, ждущаго и требующаго своей санкціи отъ настоящаго дня. Общее желательное направленіе государственной дѣятельности въ области экономическихъ отношеній остается тѣмъ же, но въ этомъ направленіи выясняется ближайшій пунктъ, на который должны быть направлены все вниманіе и всѣ усилія современности.

VI.

По мнѣнію проф. Новгородцева, настоящее и полное осуществленіе права на достойное человѣческое

[1]) См. мою статью въ «Вѣстникѣ права», 1899., кн. XI.

существованіе «было бы въ то же время разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса». Мы относительно нашего права на существованіе просто—болѣе скромнаго мнѣнія. Какъ бы широко мы ни опредѣляли содержаніе права на существованіе, оно во всякомъ случаѣ не исчерпаетъ того, что составляетъ содержаніе такъ называемаго соціальнаго вопроса. Вѣдь, сущность этого вопроса заключается въ устраненіи всякаго рода незаработанныхъ доходовъ, что считается возможнымъ лишь при обобществленіи (правильнѣе «огосударствленіи» — Verstaatlichung) всѣхъ орудій производства, т.-е. при уничтоженіи частной собственности на капиталъ. Юридически это обобществленіе обозначало бы установленіе въ области экономическихъ отношеній такого же начала правовой централизаціи, какое проникаетъ сферы такъ называемаго публичнаго права: всѣ операціи производства и распредѣленія зависѣли бы не отъ множества автономныхъ центровъ внутри государства, а отъ него самого, какъ отъ единаго всенаправляющаго и всерегулирующаго центра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, взамѣнъ всевозможныхъ экономическихъ неравенствъ, установилось бы равенство всѣхъ.

Водвореніе такой экономической централизаціи предполагаетъ, разумѣется, цѣлую массу условій экономическаго, юридическаго и часто психологическаго характера въ достаточной степени назрѣвшими. Когда это достаточное назрѣваніе произойдетъ, я судить не берусь. Но что право на существованіе назрѣло, въ

этомъ я не сомнѣваюсь. Достаточнымъ доказательствомъ этой «назрѣлости» служитъ уже наше непосредственное и притомъ о б щ е е сознаніе, что дать человѣку умереть съ голоду нельзя. Вопросъ стоитъ на очереди, стоитъ неотступно и будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшенъ.

Хотя, такимъ образомъ, признаніе права на существованіе и не будетъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса, хотя оно не уничтожитъ ни частной собственности, ни частной хозяйственной автономіи, тѣмъ не менѣе признанное право на существованіе, при всѣхъ своихъ скромныхъ размѣрахъ, не можетъ не оказать глубокаго вліянія на всю область экономическихъ отношеній. Учесть это вліяніе въ настоящій моментъ едва ли даже возможно.

Признаніе права на существованіе, прежде всего, не можетъ не отразиться на общемъ положеніи рабочаго класса. Какъ бы скромно ни былъ опредѣленъ уровень гарантированнаго существованія, онъ все же явится твердой базой для этого класса въ борьбѣ за лучшія условія труда и за лучшее вознагражденіе. «Голодныя» цѣны труда будутъ едва ли возможны; средній уровень условій существованія рабочаго повысится.

Мы уже упоминали о томъ, что признаніе права на существованіе заставитъ государство развить свою посредническую дѣятельность по пріисканію работы въ частныхъ предпріятіяхъ, а также организовывать и свои собственныя работы. Это съ естественной необхо-

димостью приведетъ къ тому, что тѣ отрасли промышленности, которыя по экономическимъ условіямъ это допускаютъ, постепенно будутъ соціализованы, «обобществлены», перейдутъ въ руки государства. Процессъ соціализаціи явится, такимъ образомъ, не продуктомъ какого-либо апріорнаго декрета, а продуктомъ самой жизни, придетъ не путемъ революціоннымъ, а эволюціоннымъ.

А. Менгеръ, котораго мы уже много разъ цитировали, въ концѣ своей работы приходитъ къ заключенію, что соціальное развитіе современности движется по направленію къ признанію права на существованіе [1]). Объ отношеніи же этого права, съ одной стороны, къ существующему гражданскому строю, а съ другой стороны, къ соціализму— онъ говоритъ слѣдующее.

«Право на существованіе легко можетъ быть признано и при существующемъ правовомъ строѣ. Притязанія всѣхъ гражданъ на удовлетвореніе ихъ потребностей существованія должны быть тогда разсматриваемы, какъ залогъ, лежащій на народномъ доходѣ, отъ котораго послѣдній долженъ быть освобожденъ, прежде чѣмъ отдѣльнымъ покровительствуемымъ лицамъ можетъ быть дарованъ незаработанный доходъ. Соціальныя стремленія нашего времени направлены къ тому, чтобы, съ одной стороны, до извѣстной степени провести въ жизнь право на существованіе, а

[1]) L. cit., стр. 135.

съ другой — сохранить въ цѣлости зданіе нашего гражданско-правового строя. Полное осуществленіе права на существованіе поглотило бы такую значительную часть незаработаннаго дохода, приходящагося теперь на долю капиталистовъ и землевладѣльцевъ, благодаря ихъ фактическому владѣнію, и до такой степени лишило бы частную собственность ея хозяйственнаго значенія, что послѣдняя скоро должна была бы превратиться въ собственность коллективную» [1]).

Обнаружится ли такая необходимость перехода къ коллективизму «скоро» или не скоро, да и обнаружится ли вообще, — для сужденія объ этомъ въ настоящій моментъ нѣтъ сколько-нибудь положительныхъ научныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, право на существованіе явится для современнаго строя очень сильнымъ пробнымъ камнемъ въ этомъ отношеніи. Если онъ этого испытанія не выдержитъ, онъ будетъ осужденъ безповоротно, и, какія бы соображенія ни говорили въ пользу начала частной автономіи, она должна быть отвергнута, ибо она покупается цѣною голодныхъ смертей. Если опытомъ жизни будетъ доказано, что право на существованіе не совмѣстимо съ нынѣшней децентрализаціей экономическихъ операцій, что оно возможно лишь при системѣ централизаціи, обобществленія — то вопросъ будетъ рѣшенъ окончательно.

* *
*

[1]) L. cit., стр. 9—10.

Мы хотѣли, по мѣрѣ своего пониманія, выяснить «подлинные размѣры и подлинную цѣнность вопроса о правѣ на существованіе». Мы видимъ, что это вопросъ не простой, «принципіальной», декларацiи, а вопросъ непосредственнаго практическаго значенія. О его неотступной и роковой практичности свидѣтельствуютъ предъ нашимъ русскимъ обществомъ и хроническія голодовки крестьянъ, и массы безработныхъ въ городахъ. Можетъ ли быть совѣсть русскаго общества спокойна, пока возможность голодной смерти не будетъ устранена признаніемъ права на существованіе? Пусть отъ этого на насъ ляжетъ тяжелая экономическая обязанность, но выбора намъ нѣтъ: и здѣсь, рѣшающимъ, «категорическимъ» императивомъ должно явиться потрясающее по своей простотѣ и силѣ сознаніе—«такъ дальше жить нельзя!».

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

16. **А. К. Линбергъ, проф. Уходъ за зубами.** Ц. 30 к.

17. **П. Ѳ. Каптеревъ.** О дѣтской природѣ. Ц. 30 к.

18. **А. И. Маляревскій,** протоіерей. Религіозное воспитаніе въ семьѣ. Ц. 30 к.

19. **Э. Л. Брейтфусъ.** Семейное воспитаніе въ Германіи. Ц. 30 к.

20. **В. В. Гориневскій,** д-ръ. О закаливаніи человѣческаго организма, какъ средствѣ воспитанія. **Часть первая. Теорія закаливанія.** Ц. 30 к.

21. **В. В. Гориневскій,** д-ръ. О закаливаніи человѣческаго организма, какъ средствѣ воспитанія. **Часть вторая. Практика закаливанія.** Ц. 30 к.

22. **А. Н. Острогорскій.** Объ отношеніяхъ семьи къ школѣ. Ц. 30 к.

23. **В. В. Гориневскій,** д-ръ. О нормальной дѣтской обуви (Съ 12 рис.). Ц. 30 к.

24. **П. Ѳ. Каптеревъ.** Идеи о первоначальномъ воспитаніи въ классической древности. Ц. 30 к.

25. **А. Н. Филипповъ,** д-ръ. О физическихъ упражненіяхъ дѣтей. Ц. 30 к.

26. **П. А. Литвинскій.** Изученіе числа и мѣры малыми дѣтьми. Ц. 30 к.

27. **П. Ѳ. Каптеревъ.** Значеніе христіанства въ постановкѣ первоначальнаго воспитанія и христіанскія теоріи. Ц. 30 к.

28. **П. Д. Енько,** д-ръ. Уходъ за глазами дитяти (Съ 6 рис.). Ц. 30 к.

29. **А. Ѳ. Селивановъ.** Учрежденія по призрѣнію дѣтей. Ц. 30 к.

30—32. **И. А. Сикорскій,** проф. Душа ребенка (Съ рис. и таблицами). Ц. 90 к.

33. **П. И. Поповъ,** д-ръ. Семейное воспитаніе у сѣверо-американцевъ. Ц. 30 к.

34. **М. П. Манасеинъ,** д-ръ. Общая гигіена кожи, волосъ и ногтей (Съ 1 рис.). Ц. 30 к.

35. **А. Виреніусъ,** д-ръ. Сонъ ребенка. Ц. 30 к.

36. **І. и Л. Деникеръ.** Семейное воспитаніе во Франціи. Ц. 30 к.

37 и 38. **П. Ѳ. Каптеревъ.** О страхѣ и мужествѣ въ первоначальномъ воспитаніи. Ц. 60 к.

39 и 40. **А. Пузыревскій,** проф. Пѣніе въ семейномъ воспитаніи (Съ нотами). Ц. 50 к.

41. **П. Г. Статкевичъ,** д-ръ. О болѣзняхъ дѣтскаго возраста. Ц. 30 к.

42. **А. Н. Филипповъ,** д-ръ. Анатомо-физіологическія свойства дѣтскаго организма. Ц. 30 к.

43. **П. Ѳ. Каптеревъ.** О развитіи въ дѣтяхъ правдивости. Ц. 30 к.

44—46. **И. А. Сикорскій.** проф. Объ умственномъ и нравственномъ развитіи и воспитаніи дѣтей. Ц. 60 к.

47. **П. А. Литвинскій.** Изученіе природы малыми дѣтьми. Ц. 30 к.

48 и 49. **Е. Я. Корсакова.** Обученіе родному языку въ семьѣ. Ц. 50 к.

50. **В. В. Поворинская.** Пріученіе дѣвочекъ къ хозяйству. Ц. 30 к.

51. **А. Ф. Лазурскій,** пр.-доц. О развитіи воли и характера у дѣтей. Ц. 40 к.

52. **А. Виреніусъ,** д-ръ. Характеристика ребенка. Ц. 30 к.

53. **П. И. Ковалевскій,** проф. Отсталыя дѣти, причины отсталости и борьба съ нею. Ц. 30 к.

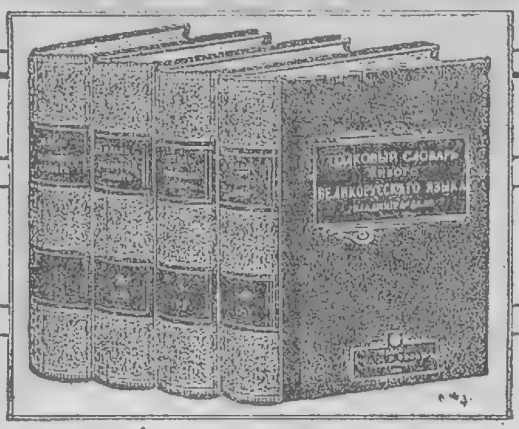
54. **Н. С. Карцовъ.** Иностранные языки въ семьѣ. Ц. 40 к.

55. **Н. В. Казминъ.** Семейное воспитаніе въ Россіи. Ц. 40 к.

56. **П. Ѳ. Каптеревъ.** Объ общественно-нравственномъ развитіи и воспитаніи дѣтей. Ц. 30 к.

57. **Е. и Л. Тихѣевы.** О чтеніи дѣтей. Ц. 40 к.

58. **П. И. Ковалевскій,** проф. Нервныя болѣзни дѣтскаго возраста. Ц. 30 к.



ЗАКОНЧЕНА ПЕЧАТЬЮ И ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ЖИВОЙ РУССКОЙ РѢЧИ:

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ЖИВОГО

ВЕЛИКОРУССКАГО ЯЗЫКА

Владиміра Даля.

Третье исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ редакціей проф. СПБ. университета И. А. БОДУЭНА-де-КУРТЕНЭ.

4 большихъ тома, въ 6. 8 д. л., напечатан. убористыми, но четкими шрифтами, на плотной глазиров. бумагѣ. Ц. руб.; въ четырехъ библиотечн. перепл. Ц. руб.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ДАЛЯ УВѢНЧАНЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІЕЙ; ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ УДОСТОЕНЪ КОНСТАНТИНОВСКОЙ МЕДАЛИ; СОВѢТОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО В. ДЕРПТСКАГО, НЫНѢ ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА НАГРАЖДЕНЪ ПОЛНОЙ ПРЕМІЕЙ имени Роберта Гейнбюргера.

Представляя собою всю наличность словъ и оборотовъ родной рѣчи, со всѣми мѣстными особенностями и оттѣнками, „Словарь Даля“, — по выраженію одного изъ критиковъ, — „это весь словесный капиталъ русскаго народа, расходуемый имъ по мелочамъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни на всемъ протяженіи земли русской, а въ трудѣ Даля явившійся стройнымъ цѣлымъ, составляющимъ неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ справокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ „Словарь Даля“—это необходимая, единственная въ своемъ родѣ и самая обширная энциклопедія русской рѣчи, охватывающая одновременно всѣ проявленія внутренней и внѣшней обиходной русской жизни и быта и объясняющая всевозможные грамматическіе и орѳографическіе вопросы“.

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5.